

Братья Берманы — стахановцы террора

—
Был вечер 24 декабря 1938 г. Заведующий отделом кадров ЦК ВКП(б) Георгий Маленков только что сообщил наркомун связи СССР Матвею Берману, что товарищ Сталин не может далее держать в правительстве брата немецкого шпиона и друга целой шайки разоблаченных врагов народа. Сорокалетний бывший нарком понял, что Хозяин поставил точку в его судьбе. Берман действительно неприлично долго оставался на свободе. Многие его видные коллеги по НКВД были арестованы еще несколько недель назад. Да и все предшественники в мирном наркомате связи – бывший глава Совнаркома Алексей Рыков, бывший нарком внутренних дел Генрих Ягода, бывший командарм Иннокентий Халепский – давно отправились в застенки и были расстреляны. А Берман просидел в этом кресле почти полтора года. Повинуясь кивку Маленкова, Матвей Давидович встал, последний раз зацепив взглядом оплывшее бабье лицо и мутные глаза сталинского любимца.

В президиуме торжественного заседания в Моссовете (справа налево): Никита ХРУЩЕВ, Михаил ФРИНОВСКИЙ, Станислав РЕДЕНС, Матвей БЕРМАН, Сергей ЖУК. 1937 г.

В приемной Бермана уже ждали. Несколько чекистов вывели своего бывшего начальника на улицу и усадили в «воронок». Следствие было недолгим. Уже 7 марта 1939 г. круглолицый председатель военной коллегии Верховного суда СССР Василий Ульрих скороговоркой прочитал приговор: за участие в заговорщической и террористической организации в органах НКВД – расстрелять. Бермана потащили в подвал, а Василий Васильевич, шелестя бумагами, уже быстро читал аналогичный приговор следующей жертве, вспоминая, как двумя неделями ранее перед ним стоял младший брат только что осужденного им недавнего наркома связи, бывшего комиссара госбезопасности...

Матвей Берман

Матвей Берман знаменит прежде всего как начальник ГУЛАГа, который он возглавлял в 1932–1937 гг. При нем эта лагерная империя, начало которой положила сталинская идея использовать труд заключенных, содержащихся не в тюрьмах, а в отдаленных концлагерях, выросла втрое, достигнув примерно полутора миллионов человек. В 1936–1937 гг. он также был заместителем Николая Ежова в НКВД. Его чекистская карьера длилась 19 лет.

Матвей родился в Забайкалье, в семье незадачливого коммерсанта, который владел мельницей и кирпичным заводом, но перед революцией разорился и с трудом смог дать детям образование. Матвей окончил коммерческое училище в Чите, а в 1917 г. за четыре месяца прошел обучение в Иркутском военном училище. Прапорщик Берман принял самое активное участие в революционных событиях: осенью 17-го года девятнадцатилетний Матвей стал заместителем председателя военного отдела Томского губисполкома, а после мятежа чехословацкого корпуса перешел на нелегальное положение. А потом поступил в ЧК и уже к осени 1919 г. дорос до должностей помощника заведующего секретным отделом Екатеринбургской губчека, а затем – Сибчека. С января 1920 г. Матвей формировал аппараты уездной и транспортной Чекы в Томске, а

в мае, после повышения статуса Томской чрезвычайки, стал председателем Томгубчека. Рыжий и вихрастый, он зарекомендовал себя не только хватким следователем и активным проводником террора (например, в марте 1920 г. в Томске расстреляли виднейшего общественного деятеля Сибири историка А.В. Адрианова), но и умелым организатором.

Юный чекист отличался крайней подозрительностью и за несколько недель арестовал более 10 томских чекистов, большая часть которых впоследствии была освобождена. Обращаясь в Томское губбюро РКП(б) с просьбой откомандировывать на работу в губчека только проверенных коммунистов, он пояснял, что «работа в Чека часто развращает еще не «обстрелянных» коммунистов и они, прикрываясь «охраной революции», иногда начинают творить безобразия». Тот факт, что в Мариинском уезде чекистами «все арестованные кулацкие элементы и контрреволюционеры были удушены», Берман к безобразиям явно не относил. Сообщая властям, что широкую информацию о работе советских учреждений чекисты могут получить лишь от работающих в них коммунистов, Берман красноречиво указывал: «Но на практике многие товарищи относятся весьма халатно и совершенно не желают информировать Чека. Ввиду этого Чека просит партком и губбюро об издании специального циркуляра или же подтверждения циркуляра ЦК о том, что каждый член партии обязан всеми силами содействовать работе Чека».

В начале 30-х Матвей Берман смело пошел по трупам

Уже в августе 1920 г. его отправили в Верхнеудинск организовывать Госполитохрану Дальневосточной республики, а через два месяца сделали заместителем председателя Енисейской губчека, где предшествующие начальники отличились неразборчивым террором, развратом и крайним пьянством. «Подлечив» Красноярскую чрезвычайку, Берман возглавил Семипалатинскую губчека, а в 1921 г. – Иркутскую губчека и особый отдел Восточно-Сибирского военного округа. Его заместителями оказались старый знакомый Борис Бак и алтайский партизан Василий Каруцкий. В 30-х гг. оба эти выдвиженца Бермана окажутся в столице: Бак поработает заместителем начальника УНКВД по Московской области, а Каруцкий весной 1938 г. будет назначен начальником управления НКВД и после трех недель работы застрелится.

Матвей Давидович внес большой вклад в разгром антибольшевистского подполья, которое в Сибири держалось в течение всех 20-х гг. В 1922 г. Берман сигнализировал, что в Бурятии партийные ячейки разваливаются, причем из-за террора повстанческих отрядов новые создавать невозможно. Он лично допрашивал таких известных белых генералов, как Р. Унгерн и А. Бакич, и в 1923 г. был аттестован как один из лучших чекистов Сибири, единственный настоящий знаток восточных границ. С 1924 г. он – в Средней Азии, а четыре года спустя возглавил Владивостокский окружной отдел ОГПУ. Берман успешно давил и басмачей в Узбекистане, и японскую агентуру на Дальнем Востоке, особое внимание уделяя, естественно, прямым или потенциальным противникам режима, заработав у белоэмигрантов выразительную кличку Кровавый Мальчик.

Только 13 лет спустя после начала своей карьеры в органах Матвей смог занять место в центральном аппарате ОГПУ, став заместителем начальника ГУЛАГа. За строительство Беломоро-Балтийского канала он в 1933 г. получил орден Ленина, а затем и специальное звание комиссара госбезопасности третьего ранга, приравненное позже к генерал-лейтенантскому. В голодном 1933-м в лагерях вымерла шестая часть заключенных... Берман строил каналы и дороги, в том числе Байкало-Амурскую магистраль, поставлял в казну золото и экспортный лес, строго спрашивая с подчиненных за «избыточную» смертность узников, которая могла срывать плановые задания. Он постоянно мотался по лагерям, этот рачительный хозяин, болевший душой за свое огромное ведомство, которое считал необходимой народнохозяйственной единицей. Порой

конфликтовал с местными властями, когда те пытались присвоить ресурсы, полагавшиеся лагерям, которые росли по всей стране как грибы. Своего расцвета ГУЛАГ достиг в послевоенные годы, при преемниках его главного строителя.

В начале 30-х Матвей производил на некоторых коллег хорошее впечатление, но потом смело пошел по трупам. Став замом Ежова, Берман «достойно» проявил себя, участвуя в пыточном следствии и над своими коллегами, обвиненными в «заговоре Ягоды», и над видными партийцами. Потом сам исчез бесследно. А в 1957 г. Матвея полностью реабилитировали, поскольку выяснили, что заговорщиком и террористом он не был, а являлся лишь скромным наркомом связи, усиленно наращивавшим количество телефонов на душу населения.

Борис Берман

В начале 30-х гг. около богатых американских туристов в Европе постоянно терся юркий итальянский еврей по кличке Винчи, торговец фальшивыми антикварными вещами. В неопрятном торгаше с потертым чемоданом в руках самый зоркий глаз не смог бы распознать советского чекиста, руководителя крупной разведывательной группы. Проньера Винчи был резидентом иностранного отдела ОГПУ в Германии Борисом Берманом по кличке Артем. В обыденной жизни это был очень моложавый человек (ему-то и было лет тридцать), любимец женщин, всегда энергичный и веселый, ловкий руководитель своих и чужих шпионских комбинаций.

Борис был тремя годами моложе Матвея и не получил такого неплохого образования, как старший брат. Но революционного темперамента было и ему не занимать. С 1918 г. он воевал в Красной гвардии, два года спустя поступил в ВЧК и под крылом брата работал в сибирских и уральских органах госбезопасности. В 1924 г. его исключили из партии за «буржуазное происхождение», но уже через две недели восстановили. Затем карьера Бориса пошла увереннее: он стал начальником отдела контрразведки ОГПУ Средней Азии, активно искореняя басмачей. Усердие контрразведчика было замечено, и его перевели в столицу. К этому времени относится его безуспешная попытка вразумить собственного отца, работавшего директором совхоза под Кисловодском. Отдыхая там, Борис заехал к папаше и сказал ему, что в ОГПУ скопилось немало сигналов о том, что он принуждает к сожительству симпатичных женщин из числа работниц совхоза. Но Берман-старший категорически ответил сыну, чтобы тот не лез в его дела: «Я делаю – я и отвечать буду»... Известно, что и Матвей Берман любил проводить время с девочками на конспиративных квартирах, но вряд ли младший брат осмеливался делать ему замечания.

Аппарат Бориса Бермана занимался подготовкой громких политических процессов

Вскоре Бориса зачислили в иностранный отдел и в январе 1931 г. послали резидентом разведки ОГПУ в Берлин. Борис справился с порученным делом отлично, расширив за два года агентурную сеть вдвое. Среди приобретенных источников были работник разведки гитлеровских штурмовиков барон Курт фон Поссанер и доктор Карл Хаймзот, давшие исключительно ценную информацию об аппарате фашистской партии, ее руководителях и разведслужбе нацистов. После прихода Гитлера к власти оба они вскоре были тайно уничтожены. Но вплотную нацистской партией берлинская резидентура стала заниматься только за несколько недель до установления в Германии фашистского режима. В те же годы стала интенсивно развиваться техническая разведка, позволившая украсть многие промышленные и военные секреты немцев.

Успешная работа Бориса Бермана в Берлине была отмечена переводом на ответственный пост заместителя начальника иностранного отдела. Но с приходом в органы Ежова Борису пришлось поменять специализацию. В сентябре 1936 г. его перевели на пост заместителя главы секретно-политического отдела НКВД, занимавшегося выявлением «антисоветских элементов». Аппарат этого отдела обладал наиболее многочисленной агентурой и концентрировал всю информацию о настроениях советского общества, в нем готовились и будущие политические процессы над противниками Сталина. Берману, таким образом, отводились чисто полицейские функции. С ними он справлялся безукоризненно и в марте следующего года стал наркомом внутренних дел Белоруссии. 15 месяцев минской командировки были достойно отмечены вождем: старший майор госбезопасности (генерал-майор) Берман получил орден Ленина, кресло депутата Верховного Совета СССР и звание комиссара госбезопасности 3-го ранга.

В Белоруссии он уничтожил десятки тысяч человек, истребив в том числе почти всех видных деятелей культуры: белорусская литература, лишившись всех писателей, кроме Якуба Коласа, так и не смогла впоследствии достичь предвоенного уровня. Массовые захоронения расстрелянных в Куропатах были обнаружены только полвека спустя. Борис поседел, высох, ссутулился, подгоняя подчиненных, которых приходилось все время нацеливать на ударную работу. Как-то распаленный нарком ворвался в кабинет одного из следователей, который как раз беседовал с агентом. Приняв того за арестанта, Берман сразу от души врезал ему по физиономии. Узнав, что оплошал, культурно извинился и ушел, оставив побитого стукача в самых расстроенных чувствах.

С мая 1938 г. Борис возглавил Третье управление НКВД, занимавшееся искоренением вредителей и шпионов на транспорте. Но уже 24 сентября его арестовали по показаниям коллег о том, что Берман является участником заговорщической право-троцкистской организации в НКВД. Борис знал правила игры и подписал признание в работе на немецкую разведку: дескать, в Берлине его разоблачили и вынудили к сотрудничеству... 22 февраля 1939 г. он был осужден вместе с большой группой чекистов и на следующий день расстрелян. Реабилитации его не коснулись.

Юрий БЕРМАН

Баллотировавшись в ЦК компартии Белоруссии, Борис Берман упомянул о брате в Москве и брате в Свердловске. На самом деле, помимо Матвея, имелся в виду младший брат Юрий, который работал не на Урале, а в Сибири. Он родился в 1910 г., получил среднее образование и в декабре 1933 г. поступил помощником уполномоченного в особый отдел СибВО. Полгода спустя в Новосибирске «чистили» всех чекистов-коммунистов. О кандидате в члены ВКП(б) Юрии Бермане высказался сам начальник УНКВД Н.Н. Алексеев: «Как работник он неплохой, хотя происхождение его семьи непролетарское. Его брат является руководителем ГУЛАГа НКВД, награжден орденами, семью я его знаю, вся она предана Советской власти, поэтому происхождение в связи с этим не играет актуальной роли». Наставник Юрия Иван Наволошников (год спустя он будет осужден на три года за «связь с чуждым и политически неблагонадежным элементом» и пьянство) о своем подопечном высказался кратко: «Он работает под моим руководством, с работой справляется, но у него есть мания величия, что за последнее время стал изживать».

В 1937 г. Юрий был одним из активных работников отдела контрразведки Новосибирского УНКВД, усиленно фабрикуя дела на «харбинцев», «сионистов» и прочих врагов. Одно из них касалось 12 «шпионов», которые все были расстреляны после допросов Берманом и его подчиненными. Правда, начальник отдела Ф.Н. Иванов в сентябре 1937 г. упрекал Юрия за то, что тот старается уйти с работы уже к 10 часам вечера, «когда мобилизуется весь аппарат на серьезные операции». Это не помешало ему стать секретарем комсомольской организации управления НКВД и периодически бичевать молодое пополнение за пьянство, сон на допросах и забывание личного оружия в уборной...

Арестовав всю агентуру, чекисты затем постоянно жаловались на отсутствие новых вербовок, что, дескать, позволяло врагам народа прятать свои заговоры. Каялся на партсобрании и Юрий (в апреле 1938 г.): «Я в течение шести месяцев с агентурой не работал, был занят на следствии. [...] Со мной работает тов. Головин. Я брал его на явки, я хожу с ним, но не указываю ему на линию поведения с агентом, так как я сам молодой, ни от кого не получаю направления в агентурной работе, поэтому и не учил правилам агентурной работы тов. Головина».

В конце 1938 г. Юрий работал начальником отдела контрразведки в Анжеро-Судженске, замещая в отдельные дни начальника горотдела. Большинство палачей его уровня благополучно избежали наказания, но Берману не повезло – родство с арестованными братьями было очевидным отягчающим обстоятельством. Сначала его выгнали из партии и НКВД за получение «материальной поддержки» от арестованных родственников, однако Берман, уехав в Алма-Атинскую область и устроившись работать учителем средней школы, успел восстановиться через Комиссию партийного контроля ЦК. Но вскоре был выловлен и загремел под военный трибунал вместе с начальником Мошковского райотдела НКВД С.И. Мельниковым, бывшим коллегой по отделу контрразведки П.Т. Трубецким и еще двумя палачами, отправившими на тот свет массу сельчан, арестовав в том числе всех, чьи фамилии оканчивались на «ский», как польских шпионов. Берман от УНКВД по Новосибирской области курировал репрессии в этом районе, сфабриковав, в частности, дела, по одному из которых к расстрелу был осужден 31 человек, по другому – 15.

В декабре 1940 г. его и Мельникова приговорили к расстрелу, однако в феврале 1941-го расстрел решением военной коллегии (возможно, под председательством того же самого Ульриха) заменили 10-летним сроком. Сколько Юрий отсидел реально, сведений нет. Известно лишь, что в середине 50-х гг. Берман-младший жил в Черепановском районе Новосибирской области и давал разоблачительные свидетельские показания на процессе своего бывшего начальника Федора Иванова, получившего 10 лет за дела 1937 г. – редкий случай реального наказания ежовца в годы оттепели. А Берман так и остался свидетелем, ведь дважды за одно и то же не судят...